

ФОНТАНЫ
ПОД ДОЖДЕМ

Юноша тащил за собой, как тяжелый мешок с песком, льющую беззвучные слезы девушку и уже устал идти под дождем.

Незадолго до того, сидя в кафе в здании Маруноути, он сообщил девушке, что расстанется с ней.

Он бросил женщину. Впервые в жизни!

Все произошло совсем как в ночных грезах, что посещали его уже довольно давно и наконец стали явью.

Только ради этого юноша полюбил девушку или притворился, что полюбил, только ради этого не жалел сил на увещевания, только ради этого ухватился за первую же возможность переспать с нею и переспал... И вот когда завершил все необходимые приготовления, он сумел — как давно мечтал, а иначе было невозможно — сам, уверенным тоном повелителя, диктующего свою волю, произнести: «Нам пора расстаться».

О, эти слова — от мощи, заключенной в их звучании, могут обрушиться небеса. Эти сло-

ва — о них он грезил так страстно, не в силах до конца поверить, что когда-нибудь в действительности их произнесет. Эти героически ослепительные слова поражают цель молниеносно, подобно выпущенной из лука стреле. Они — заклинание, и произносить его позволено лишь самым мужественным среди мужчин, самым человечным среди людей: «Нам пора расстаться!»

Но Акио, подобно астматику, выхаркивающему забившую гортань мокроту, выплюнул эти слова вперемешку с невнятными хрипами и бульканьем (содовая, которую он заблаговременно выпил, чтобы смочить горло, не помогла) и теперь мучительно сокрушался по этому поводу.

Когда говорил, больше всего боялся, что его слова не будут услышаны. А что, если она переспросит, потребует повторить... нет уж, лучше ему умереть на месте.

И разве гусыня, которая наконец-то снесла золотое яйцо — но оно разбилось вдребезги еще до того, как его успели увидеть, — сумеет тут же снести еще одно?

К счастью, девушка услышала. Услышала ровно то, что он сказал, и не переспросила. Да, ему повезло — собственными силами он покорила желанную столь давно и столь страстно вершину.

Доказательство, что его слова достигли цели, он получил почти в ту же секунду, словно

Фонтаны под дождем

упаковку жевательной резинки из автомата, в который опустил монету.

Из-за дождя окна были закрыты, и потому звуки вокруг — голоса людей, звяканье тарелок, звон кассового аппарата, — сталкиваясь друг с другом, резали слух и, дополненные едва уловимым отраженным шорохом капель, стекающих изнутри по запотевшему стеклу, порождали утомительный шум.

Как только невнятные слова, произнесенные Акио, достигли ушей Масако, ее резко выделяющиеся на невыразительном худом лице огромные глаза распахнулись еще шире. В этих глазах читалось крушение всех надежд, окончательное и бесповоротное. И вдруг — в одно мгновение — потоком хлынули слезы.

Масако не издавала звуков — не всхлипывала, не рыдала. Слезы текли, прекрасные, как две реки, из ее глаз, но лицо оставалось безучастным.

Разумеется, Акио предположил, что столь стремительный поток должен рано или поздно иссякнуть. Его зачаровала ментоловая прохлада, которую он чувствовал в сердце, наблюдая за этой картиной. Именно об этом он мечтал, этого добивался и наконец воплотил в жизнь. И хотя он ощущал некую механистичность происходящего, тем не менее результат был великолепен.

«Только ради этого я держал ее в объятиях, — снова подумал он, убеждая себя. —

Я свободен — страсть и желание не властны надо мной».

Сидящая рядом девушка, ее заплаканное лицо — все это происходит с ним на самом деле! Брошенная. И бросил ее не кто-нибудь, но он, Акио.

Между тем слезы Масако текли и текли, и никаких признаков, что этот поток когда-нибудь иссякнет, не было. Юноша заволновался — что подумают окружающие?

Масако в своем светлом плаще сидела на стуле, выпрямив спину. В распахнутом вороте плаща виднелся красный воротничок блузки. Опираясь руками на край стола (со стороны казалось, что она с силой вдавликает их в столешницу), она застыла в напряженной позе.

Масако смотрела прямо перед собой, даже не пытаясь утереть слезы, просто предоставила им литься. Вырываясь из узкого горла, ее дыхание выходило наружу с легким звуком, напоминающим скрип новых ботинок. Губы, которые с присущим студенткам упрямством она отказывалась красить, скривились и мелко подрагивали.

Взрослые посетители кафе с любопытством смотрели в их сторону, и Акио чувствовал, что эти взгляды мешают ему насладиться первым в жизни долгожданным ощущением зрелости.

Фонтаны под дождем

Слезы Масако были поистине восхитительны. Они все так же струились, и их количество нисколько не уменьшалось. Акио утомился смотреть, как она плачет, и уставился на кончик своего зонта, прислоненного к стулу. Стекавшие с зонта капли образовали лужицу на старом, с кафельной мозаикой полу. Акио показалось, будто эта лужица тоже из слез Масако.

Он схватил счет и резко поднялся со стула.

Июньские ливни не прекращались уже три дня. Юноша вышел из здания и раскрыл зонт, девушка тихо следовала за ним. Зонта у нее не оказалось, поэтому юноше пришлось пустить ее под свой. Он подумал: «Совсем как престарелые супруги, которые ради благопристойности делают вид, что все еще любят друг друга, хотя на самом деле уже давным-давно ничего не чувствуют». Ведь и он пустил под свой зонт девушку, которую только что бросил, лишь потому, что хотел выглядеть благопристойно. Для него это было очевидно... Впрочем, не только это, но и все остальное — зачастую неявное — казалось ему очевидным. Такой уж у него склад ума.

Пока они шли по широкому тротуару в сторону Императорского дворца, он озабоченно размышлял, как бы избавиться от этого ходячего вместилища слез.

«Интересно, — вдруг подумалось ему, — а работают ли фонтаны в те дни, когда идет

дождь?» При чем здесь фонтаны? Почему ему вдруг пришла в голову эта мысль? Через несколько шагов он вдруг осознал, что в самом ходе его мысли заложен некий физического свойства юмор.

Мокрый плащ спутницы, прикосновения к которому были неизбежны в тесном пространстве под зонтом, напоминал ему холодную чешуйчатую кожу рептилии, но он старался не обращать на это внимания, заставляя себя развить и привести к логическому завершению осенившую его забавную мысль.

«Точно! Фонтаны под дождем». Надо противопоставить одно другому — слезы Масако и фонтан. Масако наверняка проиграет — против фонтана даже ей не устоять. Во-первых, у фонтана замкнутый цикл — вода в нем ходит по кругу, а у Масако слезы все-таки должны в какой-то момент закончиться. Люди не могут тягаться с фонтанами, девушке в конце концов придется сдаться и перестать плакать. И тогда он сможет окончательно от нее избавиться. Оставалось выяснить, работают ли фонтаны в дождливый день.

Акио шел молча. Масако лила слезы, но упорно шла вместе с ним под одним зонтом. От нее было непросто отделаться, зато легко затащить туда, куда он задумал пойти.

Юноше казалось, что от дождя и слез намокло все его тело. Масако в своих белых

Фонтаны под дождем

сапожках могла не обращать внимания на дождь, но он был в туфлях, мокрые носки прилипли к ногам, как мясистые влажные водоросли.

Конец рабочего дня, когда служащие покидают офисы, еще не наступил. Улица была безлюдна. Они перешли через дорогу по пешеходному переходу и направились к мосту Вадакура¹. На мосту они остановились около старинных деревянных перил, через равные промежутки украшенных заостренными шишечками. Слева плавали под дождем белые лебеди, справа, на противоположной стороне рва, маячили сквозь замутненное водой стекло белые скатерти и красные стулья пригостиничного ресторана. Они пересекли мост, миновали высокий крепостной вал, повернули налево и очутились в парке фонтанов.

Масако все еще беззвучно плакала. В глубине парка стояла большая беседка в западном стиле, тростниковая крыша отчасти защищала скамейки от дождя. Акио, так и держа раскрытый зонт над головой, сел на скамейку. Масако села рядом. Он видел ее плечо, обтянутое белой тканью плаща, ее намокшие под дождем волосы. На смазанных маслом прядях, словно прекрасные светлые росинки,

---

¹ Мост Вадакура находится в районе Маруноути, он перекинут через крепостной ров и ведет в парк фонтанов Вадакура. — Примеч. перев.; далее примеч. ред., кроме отмеченных особо.

блестели капли дождя. Она все так же плакала, широко открыв глаза. Акио подумал: «Может быть, она впала в кому?» Он едва подавил желание дернуть ее за волосы.

Масако по-прежнему безмолвно лила слезы; казалось, теперь так будет всегда. Наверняка она ждала, чтобы он что-нибудь сказал. Но раздосадованный Акио ничего не говорил. Внезапно он понял, что не сказал ни слова с тех пор, как произнес свою коронную фразу.

Неподалеку фонтаны извергали в небо водяные струи, но Масако ни разу не посмотрела туда. Фонтаны были видны сбоку, один большой и два маленьких — они выстроились в ряд друг за другом, их шум почти сливался с шумом дождя, брызги на расстоянии тоже было не различить, и оттого бьющие в разных направлениях струи казались изогнутыми стеклянными трубками.

Кроме них двоих, вокруг не было ни души. Газон с этой стороны фонтанов и невысокая ограда из кустов энкиантуса¹ ярко зеленели, омытые дождем. По ту сторону фонтанов, где кончался сад, двигались бесконечным потоком мокрые брезентовые крыши грузовиков

---

¹ *Энкиантус* — растение из семейства верескоцветных, среди садоводов ценится за огромное количество цветов — миниатюрных колокольчиков, собранных в верхушечные зонтики или кисти, осенью разнообразных оттенков, от желтого до насыщенного красного.

Фонтаны под дождем

и красные, белые, желтые крыши автобусов. Красный сигнал светофора на перекрестке был виден хорошо, но, сменяясь на зеленый, он перемещался вниз и исчезал, скрываясь в облачке неразличимых фонтанных брызг.

Юноша устал сидеть молча, понемногу в нем росло необъяснимое раздражение. Собственная шутка утратила для него привлекательность.

Он и сам не мог сказать, что его так раздражает. Еще несколько мгновений назад он упивался полетом собственной фантазии, но теперь на душе вдруг сделалось гадко. И не только оттого, что он не знал, как унять плачущую Масако.

«Если б дело было только в ней, я мог бы просто столкнуть ее в фонтан и сбежать». Он снова приободрился. Да, во всем виноват этот дождь, и эти слезы, и это тоскливое, как стена, небо. Оно давит своей тяжестью, превращая его свободу в подобие отсыревшей половицей тряпки.

Юноша разозлился, в нем проснулась жестокость. Он не успокоится, пока Масако не вымокнет под дождем до нитки. Он заставит ее посмотреть на эти фонтаны!

Он вскочил со скамейки и побежал, не оглядываясь. Он бежал по посыпанной гравием дорожке, огибавшей фонтаны чуть выше — на пару ступенек — асфальтовой про-

гулочной, и остановился, лишь когда достиг места, откуда хорошо видел все три фонтана.

Девушка бежала за ним под дождем вслед. Она едва не налетела на Акио, но в последнее мгновение успела остановиться и вцепилась в зонт, который он держал в руке. Ее мокрое от слез и дождя лицо было мертвенно-бледным. Она спросила дрожащим, срывающимся голосом:

— Ты куда?

Акио не должен был отвечать, но слова полились сами, как будто он только и ждал вопроса Масако.

— Я смотрю на фонтаны. И ты смотри! Видишь? Сколько бы ты ни плакала, все равно даже в подметки им не годишься.

Теперь, наклонив зонт, успокоившись и словно осознав, что вовсе не обязательно смотреть друг на друга, они глядели на фонтаны — центральный вздымал вверх гигантские струи, два фонтана поменьше, точно свита главного божества, стояли по бокам от него.

На фоне работающих фонтанов Акио не видел потоки дождя. Единственным звуком, доносившимся сюда время от времени, было далекое урчание машин на автостраде; плеск и журчание фонтана настолько растворялись в воздухе, что, если специально не вслушиваться, казалось, что вокруг стоит полная тишина.

Фонтаны под дождем

Сначала поверхность воды в черной гранитной чаше начинала дрожать, потом, прорывая водную гладь, в воздух взлетали маленькие струйки, отчего вода переливалась через край.

И вот, окруженный, словно личной охраной, шестью бьющими со всех сторон изогнутыми струями, вздымался из центра чаши большой водяной столп.

Если приглядеться, становилось заметно, что величина его непостоянна. Ветер почти не дул, и вертикальная струя беспрепятственно взлетала к серому дождливому небу, высота ее всякий раз менялась. Время от времени она с шумом уносилась в головокружительную высь и, разбившись на капли, устремлялась вниз. Сквозь толщу воды у самой верхушки столпа просвечивали дождевые облака, отчего струя приобретала мышино-серый оттенок с легкой белесой примесью и выглядела не водой даже, а странной разновидностью порошка. Наверху столп окутывала дымка, сотканная из водяной пыли, он лохматился бахромой танцующей белой пены, похожей на смешанный с дождем снег.

Акио перевел восхищенный взгляд с центрального водяного столпа на изогнутые арками струи, бьющие по краям чаши большого фонтана.

Встряхивая пышной водяной гривой, струи с легкостью перемахивали через чер-

ный гранитный барьер и бесстрашно падали вниз, чтобы разбиться о поверхность пруда. Наблюдая за этим беспрерывным, направленным на четыре стороны света движением, Акио будто бы утратил интерес ко всему остальному. Незаметно для юноши его сердце, зачарованное этим неистовым бегом, устремилось вслед за струями в дальние края.

Он смотрел на центральный водяной столп.

На первый взгляд столп этот казался искусно выполненным неподвижным изваянием из воды. Но, присмотревшись, можно было заметить внутри скульптуры движение, сонм прозрачных призраков, снующих вверх-вниз. С ошеломительной скоростью они взлетали до самого верха, заполняли все внутреннее пространство водяного цилиндра; ежесекундно и без усталости восполняли утерянное мгновение назад, поддерживая постоянное совершенство формы. Разумеется, взобравшись к небу, на самый верх, они неизбежно рухнут вниз, но та неослабевающая сила, что щедро питала этот будущий крах, была воистину великолепна.

Юноша смотрел и смотрел на фонтаны, которые хотел показать девушке — для того он и привел ее сюда; смотрел и думал, как же это на самом деле красиво. Взгляд его поднимался все выше вслед за струями, пока не уперся в извергающее дождь небо.

Фонтаны под дождем

Капли дождя упали ему на ресницы.

Плотно обложенное облаками небо повисло прямо над головой, дождь лил не переставая. Все вокруг было наполнено им. Дождь, падавший юноше на лицо, был точно таким же, как тот, что проливался сейчас на здание из красного кирпича вдали и на крышу гостиницы. Выходило, что безбородое, с гладкой кожей лицо Акио, подобно любой безлюдной крыше или любой бетонной площадке, — просто еще одна поверхность, безропотно принимающая потоки дождевой воды. Для дождя нет никакой разницы — падать на юношескую щеку или на грязный бетон.

В ту же секунду образ бьющих у него перед глазами фонтанов поблек в сознании. Теперь фонтаны под дождем казались ему всего лишь повторяющимся, бессмысленным и скучным действием.

Акио позабыл о своей недавней шутке и о последующем раздражении — он лишь ощущал, как стремительно пустеет его сознание.

И в опустевшем сознании остается один только дождь.

Он бесцельно зашагал куда-то.

— Ты куда? — На этот раз Масако крепко держалась за ручку зонта, ее белые сапожки двигались в такт его шагам.

— Это мое дело, куда я иду. Я же тебе, кажется, все понятно объяснил.

Юкио Мисима

— Что объяснил?

Услышав это, он с ужасом взглянул ей в лицо, но дождь уже смыл с влажных девичьих щек дорожки слез; покрасневшие глаза еще помнили о пролитых слезах, однако голос ее больше не дрожал и не прерывался.

— Что значит — «что объяснил»? Я же в кафе ясно тебе сказал: «Нам пора расстаться».

И тут краем глаза он заметил на лужайке, почти целиком скрытой от него плывущим на фоне дождя профилем Масако, редкие кусты рододендронов с ярко-красными цветами.

— Да? Ты так сказал? Извини, значит, я не расслышала, — как ни в чем не бывало произнесла она.

Это настолько потрясло Акио, что он едва устоял на ногах. Но через два-три шага все же нашелся и, запинаясь, спросил:

— Но... но почему же тогда... почему ты плакала? Странно как-то.

Она ответила не сразу. Ее мокрая ладонь крепко сжимала ручку зонта.

— Просто слезы взяли и полились сами. Без особой причины.

Разъяренный, он хотел закричать на нее, но вместо этого вдруг оглушительно чихнул.

«Так я еще, чего доброго, заболею», — подумал он.